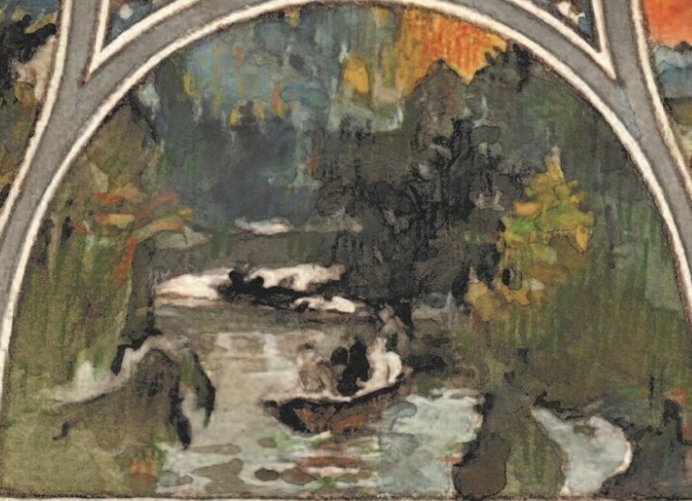

В. К. Арсенъев

ДЕРСУ
УЗАЛА

Тропою храбрых

Владимир Арсеньев

Дерсу Узала

Издательство "Руда"

1923

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

Арсеньев В. К.

Дерсу Узала / В. К. Арсеньев — Издательство "Руда",
1923 — (Тропою храбрых)

ISBN 978-5-9073551-4-9

Это самое известное литературное произведение русского писателя, путешественника и этнографа В. К. Арсеньева, описывающее его путешествия 1907 года по горным областям Сихотэ-Алиня. В книге читатель найдёт картины из природы Уссурийского края и жизни населяющих её людей: русских, китайцев, корейцев, удэгейцев и др. Особое место занимает история взаимоотношений писателя с проводником гольдом (нанайцем) Дерсу Узала, ставшего ему другом. Для широкого круга читателей.

УДК 82.31
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-9073551-4-9

© Арсеньев В. К., 1923
© Издательство "Руда", 1923

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	12
Глава третья	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Владимир Клавдиевич Арсеньев Дерсу Узала

© Издательство «Руда», 2020

© В. М. Пингачёв, иллюстрации, 2020

Глава первая

Отъезд

План экспедиции. – Мулы. – Конское снаряжение. – Инвентарь. – Питательные базы. – Прибытие Дерсу. – Помощь, оказанная моряками. – Залив Петра Великого. – Остров Аскольд. – Залив Преображения. – Плавание на миноносцах. – Прибытие в залив Ольги. – Высадка на берег. – Горбуша.

С января до апреля я был занят составлением отчётов за прошлую экспедицию и только в половине мая мог начать сборы в новое путешествие. В этих сборах есть всегда много прелести. Общий план экспедиции был давно уже предreshён, оставалось только разработать детали.

Теперь обследованию подлежала центральная часть Сихотэ-Алиня, между 45° и 47° северной широты, побережье моря от того места, где были закончены работы в прошлом году, – значит, от бухты Терней к северу, сколько позволит время, и затем маршрут по Бикину до реки Уссури.

Организация экспедиции 1907 года в общих чертах была такая же, как и в 1906 году. Изменения были сделаны только по некоторым пунктам на основании прошлогоднего опыта.

Новый отряд состоял из девяти стрелков¹, ботаника Н. А. Десулани, студента Киевского университета П. П. Бордакова и моего помощника А. И. Мерзлякова. В качестве вольнонаёмного препаратора пошёл брат последнего Г. И. Мерзляков. Лошади на этот раз были заменены мулами. Обладая более твёрдым шагом, они хорошо ходят в горах и невзыскательны на корм, но зато вязнут в болотах. В отряде остались те же собаки: Леший и Альпа.

В конском снаряжении пришлось сделать некоторые изменения. Из опыта выяснилось, что путы – вещь малопригодная. Они цепляются за пни, кусты и сильно стесняют движения коней, иногда совершенно привязывая их к месту. Лошади часто их рвут и теряют, в особенности в сырую и дождливую погоду. Вместо пут мы купили канат для коновязи, недоуздки в двойном числе и колокольчики.

В хозяйственной части тоже пришлось кое-что изменить. Например, мы совершенно отказались от медных чайников. Они тяжелы, требуют постоянной полуды, у них часто отпаиваются носики. Несравненно лучше простые алюминиевые котелки разного диаметра. Они прочны, дешёвы, легки и при переноске вкладываются один в другой. Для ловли рыбы в реках мы захватили с собой маленький бредень.

Самое важное в походе – уметь предохранить спички от сырости: сплошь и рядом случается вымокнуть до последней нитки. В таких случаях никакая обёртка из кожи или резины не помогает. Во время ненастья спички не загораются даже тогда, когда они не были подмочены. Самое лучшее средство – укупорить спички в деревянную коробку с хорошо пригнанной крышкой. От сырости дерево разбухает, и крышка ещё плотней прижимается к краям коробки. Этот неприкосновенный запас спичек я хранил в своей сумке. Стрелкам для табака были куплены резиновые кисеты с затяжными завязками. Кроме того, на всякий случай мы захватили с собой целлулоид, кремь, огниво, трут и жжёную тряпку. Инструменты и приборы были те же, что и в прошлом году. Только прибавился плотничий инструмент: бурав диаметром в восемь миллиметров, рубанок, долото, напильник и поперечная пила с разводкой. Фотографические пластинки для предохранения от сырости были запаяны в цинковые коробки – в каждой по дюжине. Не были забыты и подарки для туземных женщин и детей в виде бус, пуговиц, гаруса, шёлковых ниток, иголок, зеркал, перочинных ножииков, серёг, колец, разных брелочков, цепо-

---

¹ Сагид Сабитов, Степан Аринин, Иван Туртыгин, Иван Фокин, Василий Захаров. Эдуард Калиновский, Василий Легейда, Дмитрий Дьяков и Степан Казимирчук. – *Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.*

чек, стекляруса и т. д. Самыми ценными подарками для мужчин были топоры, пилы, берданки кавалерийского образца и огнеприпасы. За месяц вперёд А. И. Мерзляков был командирован во Владивосток за покупкой мулов для экспедиции.

Велено было приобрести животных некованных, с крепкими копытами. Мерзлякову поручено было отправить мулов на пароходе в залив Рында, где и оставить их под присмотром трёх стрелков, а самому ехать дальше и устроить на побережье моря питательные базы. Таких баз намечено было пять: в заливе Джигит, в бухте Терней, на реке Такеме, на реке Амагу и на реке Кумуху, у мыса Кузнецова.

В апреле всё было закончено, и А. И. Мерзляков выехал во Владивосток. Надо было ещё исполнить некоторые предварительные работы, и потому я остался в Хабаровске ещё недели на две.

Я воспользовался этой задержкой и послал Захарова в Анучино искать Дерсу. Он должен был вернуться к Уссурийской железной дороге и ждать моих распоряжений.

От села Осиновка Захаров поехал на почтовых лошадях, заглядывая в каждую фанзу и расспрашивая встречных, не видел ли кто-нибудь старика гольда из рода Узала. Немного не доезжая урочища Анучино, в фанзочке на краю дороги, он застал какого-то туземного охотника, который увязывал котомку и разговаривал сам с собою.

На вопрос, не знает ли он гольда Дерсу Узала, охотник отвечал: – Это моя.

Тогда Захаров объяснил ему, зачем он приехал. Дерсу тотчас стал собираться. Переночевали они в Анучино и наутро отправились обратно. 13 июня я покончил свои работы и распрощался с Хабаровском. На станции Ипполитовка Захаров и Дерсу прожили четверо суток, затем по моей телеграмме вышли к поезду и сели в наш вагон. Я очень обрадовался приезду Дерсу. Целый день мы провели с ним в разговорах. Гольд рассказывал мне о том, как в верховьях реки Санда-Ваку зимой он поймал двух соболей, которых выменял у китайцев на одеяло, топор, котелок и чайник, а на оставшиеся деньги купил китайской дрели, из которой сшил себе новую палатку. Патроны он купил у русских охотников; удэгейские женщины сшили ему обувь, штаны и куртку. Когда снега начали таять, он перешёл в урочище Анучино и здесь жил у знакомого старика гольда. Видя, что я долго не являюсь, он занялся охотой и убил пантача-оленья. Между прочим, в Анучино его обокрали. Там он познакомился с каким-то промышленником и по своей наивной простоте рассказал ему о том, что соболевал зимою на реке Баку и выгодно продал соболей. Промышленник предложил ему зайти в кабак и выпить вина. Дерсу охотно согласился. Почувствовав в голове хмель, гольд отдал своему новому приятелю на хранение все деньги. На другой день, когда Дерсу проснулся, промышленник исчез. Дерсу никак не мог этого понять. Люди его племени всегда отдавали друг другу на хранение меха и деньги, и никогда ничего не пропадало².

В то время правильного пароходного сообщения по побережью Японского моря не существовало. Переселенческое управление первый раз, в виде опыта, застраховало пароход «Эльдорадо», который ходил только до залива Джигит. Определённых рейсов ещё не было, и сама администрация не знала, когда вернётся пароход и когда он снова отправится в плавание. Нам не повезло. Мы приехали во Владивосток два дня спустя после ухода «Эльдорадо». Меня выручили П. Г. Тигерстедт и А. Н. Пель, предложив отправиться с ними на миноносцах. Они должны были идти к Шантарским островам и по пути обещали доставить меня и моих спутников в залив Джигит³.

Двадцать второго июня, после полудня, мы перебрались на суда. Вечером в каюте беседы наши с моряками затянулись далеко за полночь. Я рассчитывал хорошо уснуть, но не уда-

---

² Мой спутник П. П. Бордаков, пробывший в отряде два месяца, описал наше путешествие в журнале «Южная Россия» за 1914 год. Статья «На побережье Японского моря» написана весьма живо и правдиво. У П. П. Бордакова вкралась маленькая ошибка: случай с кражей денег у Дерсу был не в Хабаровске, а в Анучино (с. 1256).

³ Отряд состоял из пяти миноносцев: «Грозного», «Гремящего», «Стережущего», «Бесшумного» и «Бойкого».

лось. Задолго до рассвета поднялся сильный шум – снимались с якоря. Я оделся и вышел на палубу. Занималась заря, от воды поднимался густой туман, было холодно и сыро. Чтобы не мешать матросам, я спустился обратно в каюту, достал из чемодана тетради и начал свой дневник. Вскоре лёгкая качка известила о том, что мы вышли в открытое море. Шум на палубе стал стихать. На морской карте Лаперуза 1787 года залив Петра Великого называется заливом Виктории. Посредством Альбертова полуострова (ныне называемого полуостровом Муравьёва-Амурского) и Евгениева архипелага (острова Русский, Шкота, Попова, Рейнеке и Кикорд) он делится на две части: залив Наполеона (Уссурийский залив) и бухту Герин (Амурский залив)⁴.

Часов около десяти с половиной миноносцы были на траверсе острова Аскольда, называемого китайцами Циндао, что значит – Зелёный остров (42° 47' северной широты и 160° 2' восточной долготы от острова Ферро, знак на мысе Северо-западном). Этот какими-то силами оторванный от материка кусок суши с высокими скалистыми берегами имеет форму подковы, обращённой открытой стороной к югу.

Продолжением его по направлению к матерiku будет остров Путятин и мыс Майдль. Ныне Аскольд известен как естественный питомник пятнистых оленей.

Лет пятнадцать тому назад здесь было до четырёх тысяч оленей. Вследствие браконьерства, глубоких снегов и прогрессивного ухудшения подножного корма животные стали быстро сокращаться в числе, и теперь на всём острове их насчитывается не более полутора ста голов.

Выбирая только кормовые травы, олени тем самым способствовали распространению по острову растений, негодных для корма. Полная изоляция и кровосмешение уменьшили плодovitость до минимума. Олени вымрут, если к ним не будет влита новая кровь с материка. Владивостокское общество любителей охоты, которому принадлежал тогда остров, мало думало об этом, и в настоящее время Аскольдский питомник на краю гибели.

Другой достопримечательностью острова будет золотой прииск. Разработка производится раздроблением рудной породы и затем извлечением из неё золота при помощи амальгамирования ртутью.

---

⁴ А. Мичи. Путешествие по Восточной Сибири, 1868, с. 350.

В открытом море нам встретились киты-полосатики и касатки. Киты плыли медленно в раз взятом направлении, мало обращая внимания на миноносцы, но касатки погнались за судами и, когда поравнялись с нами, начали выскакивать из воды. Стрелок Загурский стрелял, два раза он промахнулся, а в третий раз попал. На воде появилось большое кровавое пятно. После этого все касатки сразу исчезли.

К сумеркам мы дошли до залива Америка и здесь заночевали, а на другой день отправились дальше. После полудня 27 июня мы обогнули мыс Поворотный и взяли курс на NO (нордост). Часа в четыре дня погода начала портиться, с востока стал надвигаться туман, и, хотя ветра ещё не было, море сильно волновалось. Это объясняется тем, что волны часто обгоняют ветер.

Миноносцы шли осторожно, ощупью, соразмеряя свой ход с показаниями лага. Надо удивляться, как в темноте и в таком тумане моряки разыскали залив Преображения и через узкий проход прошли в бухту (42° 54' северной широты и 151° 34' восточной долготы).

Ночью поднялся сильный ветер, и море разбушевалось. Утром, несмотря на непогоду, миноносцы снялись с якоря и пошли дальше. Я не мог сидеть в каюте и вышел на палубу. Следом за «Грозным» шли другие миноносцы в кильватерной колонне. Ближайшим к нам был миноносец «Бесшумный». Он то спускался в глубокие промежутки между волнами, то вновь взбегал на валы, увенчанные белыми гребнями. Когда пенистая волна накрывала лёгкое судёнышко с носа, казалось, что вот-вот море поглотит его совсем, но вода скатывалась с палубы, миноносец всплывал на поверхность и упрямо шёл вперёд. Когда мы вошли в залив Ольги, было уже темно. Мы решили провести ночь на суше и потому съехали на берег и развели костёр.

Дерсу, против ожидания, легко перенёс морскую качку. Он и миноносец считал живым существом. – Моя хорошо понимай – его, – он указывал на миноносец «Грозный», – сегодня шибко сердился.

Мы уселись у костра и стали разговаривать. Наступила ночь. Туман, лежавший доселе на поверхности воды, поднялся кверху и превратился в тучи. Раза два принимался накрапывать дождь. Вокруг нашего костра было темно – ничего не видно. Слышно было, как ветер трепал кусты и деревья, как неистовствовало море и лаяли в селении собаки.

Наконец стало светать. Вспыхнувшую было на востоке зарю тотчас опять заволокло тучами. Теперь уже всё было видно: тропу, кусты, камни, берег залива, чью-то опрокинутую вверх дном лодку. Под ней спал китаец.

Я разбудил его и попросил подвезти нас к миноносцу.

На судах ещё кое-где горели огни. У трапа меня встретил вахтенный начальник. Я извинился за беспокойство, затем пошёл к себе в каюту, разделся и лёг в постель.

За ночь море немного успокоилось, ветер стих, и туман начал рассеиваться. Наконец выглянуло солнце и осветило угрюмые скалистые берега. Тридцатого числа вечером миноносцы дошли до залива Джигит. П. Г. Тигерстедт предложил мне переночевать на судне, а завтра с рассветом начать выгрузку.

Всю ночь качался миноносец на мёртвой зыби. Качка была бортовая, и я с нетерпением ждал рассвета. С каким удовольствием мы все сошли на твёрдую землю!

Когда миноносцы стали сниматься с якоря, моряки помахали нам платками, мы ответили им фуражками. В рупор ветром донесло: «Желаем успеха!» Минут через десять миноносцы скрылись из виду.

Местом высадки был назначен залив Джигит, а не бухта Терней, на том основании, что там, вследствие постоянного прибоя, нельзя выгружать мулов.

Как только ушли миноносцы, мы стали ставить палатки и собирать дрова. В это время кто-то из людей пошёл за водой. Он вернулся и сообщил, что в устье реки бьётся много рыбы. Стрелки закинули неводок и поймали столько рыбы, что не могли вытащить сеть на берег.

Пойманная рыба оказалась горбушей. Вместе с нею попали ещё две небольшие рыбки: огуречник – род корюшки с тёмными пятнами по бокам и на спине (это было очень странно, потому что идёт она вдоль берега моря и никогда не заходит в реки) и колюшка – обитательница заводей и слепых рукавов, вероятно снесённая к устью быстрым течением реки.

Горбуша не имела ещё такого безобразного вида, который она приобретает впоследствии, хотя челюсти её начали уже немного загибаться и на спине появился небольшой горб. Я распорядился взять только несколько рыб, а остальных пустить обратно в воду. Все с жадностью набросились на горбушу, но она скоро приелась, и потом уже никто не обращал на неё внимания.

После полудня мы с Н. А. Десулави пошли осматривать окрестности. Он собирал растения, а я охотился.

Глава вторая Пребывание в заливе

Залив Рында. – Вечные переселенцы. – Приспособляемость к местным условиям жизни. – Взгляд на туземцев. – Первобытный коммунизм. – Таинственные следы. – Люди, скрывающиеся в тайге. – Золотая лихорадка. – Экспедиция к заливу Пластун. – Туман. – Потерянный трофей. – Бессонная ночь. – Случайная находка. – Стрельба по утке. – Состязание. – Выстрелы гольда. – Дерсу успокаивает стрелков. – Сказка «О рыбаке и рыбке». – Мнение гольда.

Залив Рында находится под 44° 47' северной широты и 13° 22 1' восточной долготы от Гринвича и состоит из двух заливов: северного, именуемого Джигитом, и южного – Пластуна. Оба они открыты со стороны моря и потому во время непогоды не всегда дают судам защиту. Наибольшая глубина их равна 25–28 метрам.

Горный хребет, разделяющий оба упомянутых залива, состоит из кварцевого порфира и порфирита с включением вулканического стекла. Чем ближе к морю, тем горы становятся ниже и на самом берегу представляются холмами высотой от 400 до 580 метров.

На прибрежных лугах около кустарников Десулави обратил моё внимание на следующие растения, особенно часто встречающиеся в этих местах: астру с удлинёнными ромбовидными и зазубренными листьями, имеющую цветы фиолетово-жёлтые с белым хохолком величиной с копейку, расположенные красивой метёлкой; особый вид астрогала, корни которого в массе добывают китайцы для лекарственных целей, – это крупное многолетнее растение имеет ветвистый стебель, мелкие листья и многочисленные мелкие бледно-жёлтые цветы; крупную живокость с синими цветами, у которой вся верхняя часть покрыта нежным пушком; волосистый журавельник с грубыми, глубоко надрезанными листьями и нежными малиновыми цветами; тёмно-пурпуровую кровохлёбку с её оригинальными перистыми листьями; крупнолистную горечавку – растение с толстым корнем и толстым стеблем и с синевато-фиолетовыми цветами, прикрытыми длинными листьями; и наконец из числа сложноцветных соссурею Максимовича, имеющую высокий стройный стебель, зазубренные лировидные листья и фиолетовые цветы. Из пернатых в этот день мы видели сокола-сапсана.

Он сидел на сухом дереве на берегу реки и, казалось, дремал, но вдруг завидел какую-то птицу и погнался за нею. В другом месте две вороны преследовали сорокопуга. Последний прятался от них в кусты, но вороны облетали куст с другой стороны, прыгали с ветки на ветку и старались всячески поймать маленького разбойника.

Тут же было несколько овсянок: маленькие рыженькие птички были сильно встревожены криками сорокопуга и карканьем ворон и поминутно то садились на ветки деревьев, то опускались на землю.

В окрестностях залива Рында есть пятнистые олени. Они держатся на полуострове Егорова, окаймляющем залив с северо-востока. Раньше их здесь было гораздо больше. В 1904 году выпали глубокие снега, и тогда много оленей погибло от голода. Дня через три, 7 июля, пришёл пароход «Эльдорадо», но мулов на нём не было. Приходилось, значит, ждать другой okazji. На этом пароходе в Джигит приехали две семьи староверов. Они выгрузились около наших палаток и заночевали на берегу. Вечером я подошёл к огню и увидел старика, беседующего с Дерсу. Удивило меня то обстоятельство, что старовер говорил с гольдом таким приятельским тоном, как будто они были давно знакомы между собою. Они вспоминали каких-то китайцев, говорили про тазов и многих называли по именам.

– Должно быть, вы раньше встречали друг друга? – спросил я старика.

– Как же, как же, – отвечал старовер, – я давно знаю Дерсу. Он был ещё молодым, когда мы вместе с ним ходили на охоту. И опять они принялись делиться воспоминаниями: вспомнили, как ходили за пантами, как стреляли медведей, вспоминали какого-то китайца, которого называли Козозубым, вспоминали переселенцев, которых называли странными прозвищами – Зелёный Змий и Деревянное Ботало. Первый, по их словам, отличался злобным характером, второй – чрезмерной болтливостью. Гольд отвечал и смеялся от души. Старик угощал его мёдом и калачиками. Мне приятно было видеть, что Дерсу любят. Старовер пригласил меня присесть к огню, и мы разговорились.

Дерсу не дождался конца нашей беседы и ушёл, а я ещё долго сидел у старика и слушал его рассказы.

Когда я собрался уходить, случайно разговор опять перешёл на Дерсу.

– Хороший он человек, правдивый, – говорил старовер. – Одно только плохо – нехристь он, азиат, в бога не верует, а вот, поди-ка, живёт на земле всё равно также, как и я. Чудно, право! И что с ним только на том свете будет? – Да то же, что со мной и с тобой, – ответил я ему.

– Оборони, царица небесная, – сказал старовер и перекрестился. Я истинный христианин по церкви апостольской, а он что? Нехристь. У него и души-то нет, а пар.

Старовер с пренебрежением плюнул и стал укладываться на ночь. Я распрощался с ним и пошёл к своему биваку. У огня с солдатами сидел Дерсу. Взглянув на него, я сразу увидел, что он куда-то собирается. – Ты куда? – спросил я его.

– На охоту, – отвечал он. – Моя хочу один козуля убей – надо староверу помогай, у него детей много. Моя считал – шесть есть.

«Не душа, а пар», – вспомнились мне слова старовера. Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение, и воздержался.

На другой день утром Дерсу возвратился очень рано. Он убил оленя и просил меня дать ему лошадь для доставки мяса на бивак. Кроме того, он сказал, что видел свежие следы такой обуви, которой нет ни у кого в нашем отряде и ни у кого из староверов. По его словам, неизвестных людей было трое. У двоих были новые сапоги, а у третьего старые, стоптанные, с железными подковами на каблуках. Зная наблюдательность Дерсу, я нисколько не сомневался в правильности его выводов. Часам к десяти утра Дерсу возвратился и привёз с собой мясо. Он разделил его на три части. Одну часть отдал солдатам, другую – староверам, третью – китайцам соседних фанз. Стрелки стали протестовать.

– Нельзя, – возразил Дерсу. – Наша так не могу.

Надо кругом люди давай. Чего-чего один люди куша й – г рех. Этот первобытный коммунизм всегда красной нитью проходил во всех его действиях. Трудом своей охоты он одинаково делился со всеми соседями, независимо от национальности, и себе оставлял ровно столько, сколько давал другим.

Дня через два я, Дерсу и Захаров переправились на другую сторону залива Джигит. Не успели мы отойти от берега и ста шагов, как Дерсу опять нашёл чьи-то следы.

Они привели нас к оставленному биваку. Дерсу принялся осматривать его с большим вниманием. Он установил, что здесь ночевали русские – четыре человека, что приехали они из города и раньше никогда в тайге не бывали.

Первое своё заключение он вывел из того, что на земле валялись коробки из-под папирос, банки из-под консервов, газета и корка такого хлеба, какой продаётся в городе. Второе он усмотрел из неумелого устройства бивака, костра и, главное, по дровам. Видно было, что ночевавшие собирали всякий рухляк, какой попадался им под руку, причём у одного из них сгорело одеяло. С тех пор всё чаще и чаще приходилось слышать о каких-то людях, скрывающихся в тайге. То видели их самих, то находили биваки, лодки, спрятанные в кустах, и т. д. Это

становилось подозрительным. Если бы это были китайцы, мы усмотрели бы в них хунхузов. Но, судя по следам, это были русские.

Каждый день приносил что-нибудь новое. Наконец недостаток продовольствия принудил этих таинственных людей выйти из лесу. Некоторые из них явились к нам в бивак с просьбой продать им сухарей. Естественно, начались расспросы, из которых выяснилось следующее. Во Владивостоке в начале этого года разнёсся слух, что в окрестностях залива Джигит находятся богатейшие золотые россыпи и даже алмазы. Масса безработных в надежде на скорое и лёгкое обогащение бросилась на побережье моря. Они пробирались туда на лодках, шхунах и на пароходах, небольшими партиями. Высадившись где-нибудь на берег около Джигита, они пешком, с котомками за плечами, тайком пробирались к воображаемому Эльдorado. Золотая лихорадка охватила всех: и старых и молодых. И в одиночку, и по двое, и по трое, перенося всяческие лишения, усталые, обеспокоенные долгими и тщетными поисками, эти несчастные, по существу душевнобольные, люди бродили в горах в надежде найти хоть крупинку золота. Они тщательно скрывали цели своего приезда, прятались в горах и нарочно распускали самые нелепые слухи, лишь бы сбить с толку своих конкурентов. Они все перессорились между собою и начали следить друг за другом. Когда без всяких данных одна партия шла искать золото в какой-нибудь распадок, другой казалось, что именно там-то и есть алмазы. Эта другая партия старалась опередить первую, и нередко дело доходило до кровопролития. Видя, что золото не так-то легко найти и что для этого нужны опыт, время и деньги, они решили поселиться тут же, где-нибудь поблизости. Тогда они отправились во Владивосток и, получив в переселенческом управлении денежные пособия, возвратились назад в качестве переселенцев. Часть золотоискателей поселилась в бухте Терней.

В заливе Джигит нам пришлось просидеть около двух недель. Надо было дожидаться мулов во что бы то ни стало. Без вьючных животных мы не могли тронуться в путь. Воспользовавшись этим временем, я занялся обследованием ближайших окрестностей по направлению к заливу Пластун, где в прошлом году у Дерсу произошла встреча с хунхузами. Один раз я ходил на реку Кулёму и один раз на север по побережью моря.

По возвращении с этих работ я занялся вычерчиванием съёмок. Н. А. Десулави ботанизировал на берегу моря, а П. П. Бордаков все эти дни проводил с Дерсу. Он расспрашивал его об охоте на тигров, о религии и загробной жизни.

Два дня я просидел в палатке, не отрываясь от планшета. Наконец был нанесён последний штрих и поставлена точка.

Я взял ружьё и пошёл на охоту за козулями.

У правого края долины Иодзыхе тянутся пологие заболоченные увалы, покрытые тощей травой, кустарниками леспедцы и редколесьем из дуба, липы и белой берёзы. Между увалами вода промыла длинные овраги. Сюда я и направил свои стопы. Хотя день был солнечный, но со стороны моря ветром гнало туман. Он не проникал далеко на материк и скоро рассеивался в воздухе. Это обычное явление, хорошо известное жителям прибрежного района. В то время как на берегу моря бывает пасмурно и сыро, в горах ясно, сухо и тепло. В сфере нагретого воздуха конденсация пара прекращается, и он становится невидимым для глаза.

Отойдя от бивака километра четыре, я нашёл маленькую тропинку и пошёл по ней к лесу. Скоро я заметил, что ветки деревьев стали хлестать меня по лицу.

Наученный опытом, я понял, что тропа эта зверовая, и, опасаясь, как бы она не завела меня куда-нибудь далеко в сторону, бросил её и пошёл целиною. Здесь я долго бродил по оврагам, но ничего не нашёл.

Большая часть дня уже прошла. Приближался вечер.

По мере того как становилось прохладнее, туман глубже проникал на материк. Словно грязная вата, он спускался с гор в долины, распространяясь шире и шире и поглощая всё, с чем приходил в соприкосновение.

В это время выбежали две козули. Я быстро поднял ружьё и выстрелил. Одна козуля упала, другая отбежала немного и остановилась. Я выстрелил второй раз. Она споткнулась, но тотчас оправилась и медленно пошла в кусты. Не теряя времени, я погнался за подранком, но не мог догнать его. Опасаясь потерять ту козулю, которая была уже убита, я повернул назад. Место, где лежал козёл, я хорошо не запомнил и, вероятно, прошёл мимо него. Тогда я принялся искать его в другом направлении, но тщетно. Кусты и деревья были донельзя похожи друг на друга. Животное пропало, точно провалилось сквозь землю. Я решил вернуться на бивак, а завтра прийти сюда с людьми и возобновить поиски.

Выбрав направление, которое мне казалось правильным, я пошёл вдоль оврага.

Вдруг радиус моего кругозора стал быстро сокращаться: навалился густой туман. Точно стеной отделил он меня от остального мира. Теперь я мог видеть только те предметы, которые находились в непосредственной близости от меня. Из тумана навстречу мне поочередно выдвигались то лежащее на земле дерево, то куст лозняка, пень, кочка или ещё что-нибудь в этом роде.

В такую погоду сумерки наступают рано. Чтобы не заблудиться, я решил вернуться на тропинку. По моим соображениям, она должна была находиться слева и сзади. Прошёл час, другой, а тропинка не попадалась.

Тогда я переменял направление и пошёл по оврагу, но он стал загибать в сторону. Ночёвка в лесу без огня в прошлом году на реке Арзамасовке не послужила мне уроком: я опять не захватил с собой спичек. На выстрелы в воздух ответных сигналов не последовало. Я устал и сел отдохнуть на валежник, но тотчас почувствовал, что начинаю зябнуть. Холодная сырость принудила меня подняться и идти дальше. Должно быть, взошла луна, сквозь туман её не было видно, но на земле стало светлее. Часа два ещё я бродил наудачу. Местность была поразительно однообразна: поляны, перелески, овраги, кусты, отдельные деревья и валежник на земле – всё это было так похоже друг на друга, что по этим предметам никак нельзя было ориентироваться. Наконец я окончательно выбился из сил и, подойдя к первому лежащему на земле дереву, сел на него, опершись спиной на сук, и задремал. Я сильно зяб, постоянно вскакивал и топтался на одном месте. Так промаялся я до утра. Рядом лежало другое дерево. Оно показалось мне знакомым. Я подошёл к нему и узнал именно то, на котором я сидел первый раз. Наконец стало светать. В воздухе разлился неясный серовато-синий свет тумана. Туман казался неподвижным и сонным, трава и кусты были мокрые. Мало-помалу начали просыпаться пернатые обитатели леса. Откуда-то появилась ворона. Она каркнула один раз и лениво полетела через поляну. За ней проснулись дятлы, лесные голуби и сизоворонки. Когда стало совсем светло, я стряхнул с себя сонливость и уверенно пошёл по краю оврага. Не успел я сделать и девяти шагов от валежника, на котором дремал, как сразу натолкнулся на мёртвого козла.

Оказалось, что я всё время кружил около него. Досадно мне было за бессонную ночь, но тотчас же это досадное чувство сменилось радостью: я возвращался на бивак не с пустыми руками. Это невинное тщеславие свойственно каждому охотнику. Скоро стало совсем светло. Солнца не было видно, но во всём чувствовалось его присутствие. Туман быстро рассеивался, кое-где проглянуло синее небо, и вдруг яркие лучи прорезали мглу и осветили мокрую землю. Тогда всё стало ясно, стало видно, где я нахожусь и куда надо идти. Станным мне показалось, как это я не мог взять правильное направление ночью. Солнышко пригрело землю, стало тепло, хорошо, и я прибавил шаг. Через два часа я был на биваке. Товарищи не беспокоились за меня, думая, что я заночевал где-нибудь в фанзе у китайцев. Напившись чаю, я лёг на своё место и уснул крепким сном. Несколько дней спустя после этого мы занимались пристрелкой из ружей. Людям были розданы патроны и указана цель для стрельбы с упора. По окончании пристрелки солдаты стали просить разрешения открыть вольную стрельбу. Стреляли они в бутылку, стреляли в белое пятно на дереве, потом в круглый камешек, поставленный на краю утёса. Вдруг откуда-то взялась нырковая утка. Не обращая внимания на стрельбу, она спустилась на воду

недалеко от берега. Захаров и Сабитов стали в неё целить, и так как каждому хотелось выстрелить первому, то оба горячились, волновались и мешали друг другу. Два выстрела произошли почти одновременно. Одна пуля сделала недолёт, а другая всплеснула воду далеко за уткой. Испуганная птица нырнула и вновь всплыла на поверхность воды, но уже дальше от берега. Тогда в неё выстрелил Захаров и тоже не попал. Пуля ударила в воду совсем в сторону. Утка опять нырнула. Солдаты бросили стрельбу в пятнышко и, выстроившись на берегу в одну линию, открыли частый огонь по уходящей птице, и чем больше они горячились, тем дальше отгоняли птицу. По моим соображениям, она была теперь в шагах трёхстах, если не больше. В это время на бивак возвратился Дерсу. Взглянув на него, я сразу понял, что он был навеселе. На лице его играла улыбка. Подойдя к палаткам, он остановился и, прикрыв рукою глаза от солнца, стал смотреть, в кого стреляют солдаты. Как раз в этот момент выстрелил Калиновский. Пуля сделала такой большой недолёт, что даже не напугала птицу. Узнав, что стрелки не могли попасть в утку тогда, когда она была близко, он подошёл к ним, и, смеясь, сказал:

– Ваша хорошо стреляли. Теперь моя хочу утку гонять. Сказав это, он быстро поднял своё ружьё и, почти не целясь, выстрелил. Крик удивления вырвался у всех сразу. Пуля ударила под самую птицу так, что обдала её водой. Утка до того была напугана, что с криком сорвалась с места и, отлетев немного, нырнула в воду. Спустя несколько минут она показалась на поверхности, но уже значительно дальше. С поразительной быстротой Дерсу опять вскинул винтовку и опять выстрелил. Если бы утка не взлетела на воздух, можно было бы подумать, что пуля ударила именно в неё. Теперь птица отлетела очень далеко. Чуть-чуть её можно было рассмотреть простым глазом. Мы взяли бинокли. Дерсу смеялся и подтрунивал над солдатами. Дмитрий Дьяков, который считал себя хорошим стрелком, стал доказывать, что выстрелы Дерсу были случайными и что он стреляет не хуже гольда. Товарищи предложили ему доказать своё искусство. Дьяков сел на одно колено, долго приспособлялся и долго целился, наконец спустил курок.

Пуля сделала рикошет далеко перед уткой. Птица нырнула, но тотчас же опять показалась на поверхности.

Тогда Дерсу медленно поднял своё ружьё, прицелился и выстрелил. В бинокль видно было, как пуля опять вспенила воду под самой уткой.

Вероятно, такое состязание в стрельбе длилось бы ещё долго, если бы сама утка не положила ему конец: она снялась с воды и полетела в открытое море.

Вечером я услышал у стрелков громкие разговоры. По настроению я догадался, что они немного выпили. Оказалось, что Дерсу притащил с собой бутылку спирта и угостил им солдат. Вино разгорячило людей, и они начали ссориться между собой.

– Не надо ругаться, – сказал им тихо Дерсу, – слушайте лучше, я вам песню спою. – И, не дождавшись ответа, он начал петь свои сказки.

Сначала его никто не слушал, потом притих один спорщик, за ним другой, третий, и скоро на таборе совсем стало тихо, Дерсу пел что-то печальное, точно он вспомнил родное прошлое и жаловался на судьбу. Песнь его была монотонная, но в ней было что-то такое, что затрагивало самые чувствительные струны души и будило хорошие чувства. Я присел на камень и слушал его грустную песню. «Поселись там, где поют; кто поёт, тот худо не думает», – вспомнилась мне старинная швейцарская поговорка.

Уже смерклось совсем, зажглись яркие звёзды, из-за гор подымалась луна. Её ещё не было видно, но бледный свет уже распространился по всему небу.

Подвыпившие стрелки уснули, а Дерсу все ещё пел свою песню, и пел он её теперь вполголоса – для себя.

Я вернулся в палатку, лёг на постель и тоже уснул.

На другой день вечером, сидя у костра, я читал стрелкам сказку «О рыбаке и рыбке». Дерсу в это время что-то тесал топором. Он перестал работать, тихонько положил топор на землю и, не изменяя позы, не поворачивая головы, стал слушать. Когда я кончил сказку, Дерсу поднялся и сказал:

– Верно, такой баба много есть. – Он даже плюнул с досады и продолжал: – Бедный старик. Бросил бы он эту бабу, сделал бы оморочку да кочевал бы на другое место.

Мы все расхохотались. Сразу сказался взгляд бродячего туземца. Лучший выход из этого положения, по его мнению, был – сделать лодку и перекочевать на другое место.

Поздно вечером я подошёл к костру. На дровах сидел Дерсу и задумчиво глядел на огонь. Я спросил его, о чём он думает.

– Шибко жалко старика. Его был смирный люди.

Сколько раз к морю ходи, рыбу кричи, – наверно, совсем стоптал свои унты.

Видно было, что сказка «О рыбаке и рыбке» произвела на него сильное впечатление. Поговорив с ним ещё немного, я вернулся в свою палатку.

Глава третья

Первый поход

Выступление. – Дерсу находит отряд по следам. – Река Иодзыхе и река Литянгоу. – Население. – Притоки реки Иодзыхе. – Лудёва. – Тайга. – Пауки. – Да-Синанца и её притоки. – Затяжные дожди. – Горбатый таз и его семья. – Бегство тазов от китайцев. – Сон Дерсу и поминки по усопшим.

Наконец, после долгого ожидания, в конце июня на пароходе «Эльдорадо» прибыли наши мулы. Это было радостное событие, выведшее нас из бездействия и позволившее выступить в поход.

Пароход стал шагах в четырёхстах от устья реки. Мулы были спущены прямо на воду. Они тотчас же сориентировались и поплыли к берегу, где их уже ожидали стрелки.

Двое суток мы пригоняли к мулам сёдла и налаживали вьюки. 30 июня была последняя днёвка, а на следующий день, 1 июля, мы тронулись в путь.

На реке Иодзыхе наш отряд разделился. Я, Н. А. Десулави и П. П. Бордаков с частью команды отправились на реку Синанцу⁵, а А. И. Мерзляков с остальными людьми пошёл вверх по реке Литянгоу⁶. Около последних тазовских фанз, в северо-западном углу долины, нам надлежало разойтись. В это время ко мне подошёл Дерсу и попросил разрешения остаться на один день у тазов. Завтра к вечеру он обещал нас догнать. Я высказал опасения, что он может нас не найти. Гольд громко засмеялся и сказал:

– Тебе иголка нету, птица тоже нету – летай не могу. Тебе земля ходи, нога топчи, след делай. Моя глаза есть – посмотри. На это у меня уже не было возражений. Я зна л его способность разбираться в следах и согласился. Мы пошли дальше, а он остался на реке Иодзыхе. На второй день утром Дерсу действительно нас догнал. По следам он узнал всё, что произошло у нас в отряде: он видел места наших привалов, видел, что мы долго стояли на одном месте – именно там, где тропа вдруг сразу оборвалась, видел, что я посылал людей в разные стороны искать дорогу. Здесь один из стрелков переобувался. Из того, что на земле валялся кусочек тряпки с кровью и клочок ваты, он заключил, что кто-то натёр ногу, и т. д. Я привык к его анализу, но для стрелков это было откровением. Они с удивлением и любопытством поглядывали на гольда. Река Иодзыхе⁷ (по-удэгейски – Иеньи) на морских картах названа Владимировкой и почему-то показана маленьким ручейком. Долина её – шириною около трёх вёрст и имеет левый край возвышенный и гористый, а правый – пологие увалы, поросшие редкой осиной, берёзой, ольхой и лиственницей. Уловить, где именно долина переходит в горы, нельзя. Выше по реке картина меняется, и горы принимают резко выраженный характер.

Здесь, кроме дуба, растут: чёрная и белая берёза, китайский ясень, орех, клён, пихта, пробковое дерево, тис, акация Маака, осина и липа, а из кустов – лещина, боярышник, калина, таволга и леспедеца.

Река Иодзыхе близ устья разбивается на множество рукавов, из которых один подходит к правой стороне долины. Место это староверы облюбовали для своего будущего посёлка.

Тропа от моря идёт вверх по долине так, что все протоки Иодзыхе остаются от неё вправо, но потом, как раз против устья Дунгоу, она переходит реку вброд около фанз, расположенных у подножия широкой террасы, состоящей из глины, песка и угловатых обломков.

---

⁵ Синь-нань-ча – юго-западное разветвление.

⁶ Ли-тянь-гоу – внутренняя желобчатая долина.

⁷ Яо-цзы-хе – река с ямами (омутами).

Реку Иодзыхе было бы справедливо назвать «козьей рекой». Нигде я не видел так много этих грациозных животных, как здесь.

Сибирская козуля крупнее европейской. Сжатое с боков тело её имеет в длину полтора метра и в высоту 87 сантиметров. Красивая притуплённая голова с большими подвижными округлёнными ушами сидит на длинной шее и у самцов украшена двумя маловетвистыми рогами, на конце вильчатыми и имеющими не более шести отростков. Окраска тела у козули летом тёмно-ржавая, зимою – буро-серая. Сзади на ляжках, около хвоста, цвет шерсти белый. Хвост очень заметен, когда козуля бежит, сильно вскидывая задом. Охотники называют это пятно «зеркалом». Защитная окраска делает её совершенно невидимой: цвет шерсти животного сливается с окружающей обстановкой и видно одно только мелькающее белое «зеркало». Осенью, в октябре, козуля большими табунами оставляет лесистые местности Уссурийского края и перекочёвывает в Маньчжурию. Впрочем, некоторая часть животных остаётся в приханкайских степях. Заметив место, где табуны коз переплывали через реку, казаки караулили их и избивали во множестве, не разбирая ни пола, ни возраста. С проведением железной дороги и заселением долины Усури сибирская козуля перестала совершать такие кочёвки. Убой животных на переправах сошёл на нет, и о таких ходах нынче сохранились только воспоминания. В общем, дикая коза – пугливое животное, вечно преследуемое четвероногими хищниками и человеком.

Она всегда держится настороже и старается уловить малейший намёк на опасность при помощи слуха и обоняния. Любимым местопребыванием козули являются лиственные леса, и только вечером она выходит пастись на поляны. Даже и здесь, при полной тишине и спокойствии, козуля всё время оглядывается и прислушивается. Убегая в испуге, козуля может делать изумительно огромные прыжки через овраги, кусты и завалы буреломного леса. В Уссурийском крае козуля обитает повсюду, где только есть поляны и выгоревшие места. Она не выносит высоких гор, покрытых осыпями, и густых хвойных лесов.

Охотятся на козулю ради её мяса. Зимние шкурки идут на устройство спальных мешков, кухлянок и дох, рога продаются по три рубля за пару.

Любопытно, что козуля охотно мирится с присутствием других животных и совершенно не выносит изюбра. В искусственных питомниках, при совместной жизни, она погибает. Это особенно заметно на солонцах.

Если такие солонцы сперва разыщут козы, они охотно посещают их до тех пор, пока не придут олени. Охотники неоднократно замечали, что как только на солонцах побывали изюбры, козули покидают их на более или менее продолжительное время.

Редколесье в горах, пологие увалы, поросшие кустарниковой растительностью, и широкая долина реки Иодзыхе, покрытая высокими тростниками и польнью, весьма благоприятны для обитания диких коз. Мы часто видели их выбегающими из травы, но они успевали снова так быстро скрываться в заросли, что убить не удалось ни одной.

Кое-где виднелась свежевзрытая земля. Так как домашних свиней содержат в загонах, то оставалось допустить присутствие диких кабанов, что и подтвердилось.

А раз здесь были кабаны, значит, должны быть и тигры. Действительно, вскоре около реки на песке мы нашли следы одного очень крупного тигра. Он шёл вдоль реки и прятался за валежником. Из этого можно было заключить, что страшный зверь приходил сюда не для утоления жажды, а на охоту за козулями и кабанами.

По рассказам тазов, месяца два тому назад один тигр унёс ребёнка от самой фанзы. Через несколько дней другой тигр напал на работавшего в поле человека и так сильно изранил его, что он в тот же день умер.

В долине реки Иодзыхе водится много фазанов. Они встречались чуть ли не на каждом шагу. Любимыми местами их обитания были заросли около пашен и плантаций снотворного мака, засеваемого китайцами для сбора опиума. Среди тальниковых зарослей по старицам и

протокам изредка попадались и рябчики. Они чем-то кормились на земле и только в случае тревоги взлетали на деревья. В воздухе кружилось несколько белохвостых орланов. Один из них вдруг начал спускаться к реке. Осторожно пробрался я по траве к берегу и стал наблюдать за ним. Он сел на гальку около воды. Тут было несколько ворон, лакомившихся рыбой.

Орлан стал их прогонять. Вороны сначала пробовали было обороняться, но, получив несколько сильных ударов клювом, уступили свои места и улетели прочь. Тогда орлан занялся рыболовством. Он прямо вошёл в воду и, погрузив в неё брюхо, хвост и крылья, стал прыгать по воде. Не более как через минуту он поймал одну рыбку, вытащил её на берег и тут же принялся есть. Насытившись, пернатый хищник опять поднялся в воздух.

Тотчас к нему присоединилось ещё два орлана. Тогда они стали описывать плавные круги. Они не гонялись друг за другом, а спокойно парили в разных плоскостях, поднимаясь всё выше и выше, в беспредельную синеву неба. Скоро они превратились в маленькие, едва заметные точки, и если я не потерял их из виду, то только потому, что не спускал с них глаз.

В это время со стороны дороги я услышал призывные крики. Мои спутники требовали, чтобы я поскорей возвращался. Минут через пять я присоединился к отряду.

В нижнем течении река Иодзыхе принимает в себя три небольших притока: справа – Сяо-Иодзыхе длиной девятнадцать километров и слева – Дунгоу, с которой мы познакомились уже в прошлом году, и Литянгоу, по которой надлежало теперь идти А. И. Мерзлякову. Река Сяо-Иодзыхе очень живописная. Узенькая извилистая долина обставлена по краям сравнительно высокими горами. По рассказам, в вершине её есть мощные жилы серебряной руды и медного колчедана.

Долина реки Литянгоу какая-то странная – не то поперечная, не то продольная. Местами она расширяется до полукилометра, местами суживается до двухсот метров. В нижней части долины есть много полей, засорённых камнями и непригодных для земледелия.

Здесь часто встречаются горы и кое-где есть негустые лиственные леса. Чем выше подниматься по долине, тем чаще начинают мелькать тёмные силуэты хвойных деревьев, которые мало-помалу становятся преобладающими. В верховьях Литянгоу есть одинокая зверовая фанза. От неё тропа поворачивает налево, в горы, и идёт на Иман. Подъём на перевал Хунтами с южной стороны затруднителен: в истоках долина становится очень узкой и завалена камнями и буреломным лесом.

Население окрестностей реки Иодзыхе – смешанное и состоит из китайцев и тазов (удэгейцев). Китайские фанзы сосредоточены главным образом на левом берегу реки, а туземцы поселились выше по долине, около гор.

Здесь манзы очень скрытны, они не хотели указывать дорог и, даже наоборот, всячески старались сбить нас с толку. Все тазы находились в неоплатном долгу у них и немилосердно эксплуатировались. Китайцы отняли у туземцев женщин и разделили между собою как движимое имущество. На задаваемые по этому поводу вопросы тазы отмалчивались, а если и говорили что-нибудь, то украдкой, шёпотом, озираясь по сторонам. У них ещё живы были воспоминания о сородичах, заживо погребённых в земле за то, что пробовали было протестовать и мстить насильникам. Очевидцы говорили, что эта казнь производилась на глазах жён и детей казнённых: китайцы заставили их присутствовать при погребении.

В этот день мы дальше не пошли и, выбрав фанзу, которая была почище, расположились биваком на дворе её, а сёдла и все имущество убрали под крышу.

На следующий день мы расстались с китайцами, которые этому, видимо, были очень рады. Хотя они и старались быть к нам внимательными, но в услугах их чувствовалась неискренность, я сказал бы даже – затаённая злоба.

Тропа опять перешла за реку и вскоре привела нас к тому месту, где Иодзыхе разбивается на три реки: Синанцу, Кулёму (этимология этого слова мне неизвестна) и Ханьдахэзу⁸. Кулёму, длиною километров в сорок, течёт с запада и имеет истоки в горах Сихотэ-Алиня, а Ханьдахэза – двадцать километров, по последней можно выйти на реку Сицу (приток Санхобе), где в прошлом году меня застал лесной пожар. От места слияния этих рек и начинается, собственно, Иодзыхе. Здесь с правой стороны (по течению) высится высокая скалистая сопка Да-Лаза. Тропа проходит у её подножия. По рассказам, это излюбленное местопребывание тигров.

Река Синанца течёт по продольной долине между Сихотэ-Алинем и хребтом, ему параллельным. Она длиною около 75 километров и шириною до тридцати метров. За скалистой сопкой сначала идут места открытые и отчасти заболоченные. Дальше поляна начинает возвышаться и заметно переходит в террасу, поросшую редким лиственным лесом. Спустившись с неё, мы прошли ещё с полкилометра и затем вступили в роскошный лес.

Если я хочу представить себе девственную тайгу, то каждый раз мысленно переношусь в долину реки Синанцы. Кроме обычных ясеня, берёзы Эрмана и ольхи, здесь произрастали: аянская ель – представительница охотской флоры, лён с красными ветвями, имеющий листву как у неклена, затем черёмуха Маака с жёлтой берестой, как у берёзы, и с ветвями, пригнутыми к земле, над чем немало потрудились и медведи, и, наконец, в изобилии по берегам реки ивняки, у которых молодые побеги имеют красновато-сизый оттенок.

Подлесье состояло из всевозможных кустарников, между которыми следует отметить колючий крыжовник с весьма мелкими закруглёнными мохнатыми листьями и белый дёрен с гибкими длинными ветвями и ланцетовидными листьями, сверху тёмно-зелёными, снизу белесоватыми.

Вверху ветви деревьев переплелись между собою так, что совершенно скрыли небо. Особенно поражали своими размерами тополь и кедр. Сорокалетний молодняк, растущий под их покровом, казался жалкою порослью. Сирень, обычно растущая в виде кустарника, здесь имела вид дерева в пять саженей высоты и в два фута в обхвате. Старый колодник, богато украшенный мхами, имел весьма декоративный вид и вполне гармонировал с окружающей его богатой растительностью.

Густой подлесок, состоящий из чёртова дерева, виноградника и лиан, делает места эти труднопроходимыми, вследствие чего наш отряд подвигался довольно медленно: приходилось часто останавливаться и высматривать, где меньше бурелома, и обходить мулов стороною.

В этот день Н. А. Десулави отметил в своём дневнике растущие в сообществе следующие цветковые и тайнобрачные растения: клинтонию, с крупными сочными листьями и белыми цветами на длинном стебельке; гнездовку, украшенную многочисленными ароматичными фиолетовыми цветами; козелец – высокое растение с длинными сидящими листьями и с беловато-жёлтыми цветами; затем папоротник, большие ажурные листья которого имеют треугольную форму и по первому впечатлению напоминают листья орляка и кочедыжник женский (женский папоротник) – тоже с отдельными большими листьями, форма которых непостоянна и меняется в зависимости от окружающей их обстановки.

Чем дальше, тем больше лес был завален колодником и тропа вовсе не была приспособлена для передвижения с вьюками.

Во избежание задержек вперёд был послан рабочий авангард под начальством Захарова. Он должен был убирать бурелом с пути и, где нужно, делать обходы. Иногда упавшее дерево застревало вверху. Тогда обрубали только нижние ветви его, оставляя проход в виде ворот; у лежащего на земле колодника оббивали сучки, чтобы мулы не попортили ног и не накололись брюхом. После полудня отряд дошёл до лудёвы. Она пересекала долину реки Синанцы и одним концом упиралась в скалистую сопку. Лудёва была старая, и потому следовало внимательно

⁸ Ханьда – лось (маньчжурское слово), хе-цзы – речка (китайское).

смотреть под ноги, чтобы не попасть в какую-нибудь ловушку. Путеводная тропа привела нас к покинутой зверовой фанзе. Около неё на сваях стоял амбар, предназначенный для хранения запасов продовольствия, зверовых шкур, пантов и прочего охотничьего имущества. Здесь мы и заночевали.

На рассвете появилось много мошкары: воздух буквально кишел ею. Мулы оставили корм и жались к биваку. На скорую руку мы напились чаю, собрали палатки и тронулись в путь.

От зверовой фанзы тропа идёт густым лесом. Она сильно кружит, обходя колодник и густые заросли виноградников.

Обыкновенно во второй половине лета появляются большие чёрные пауки. Они строят тенёта колёсного типа, причём основные нити бывают длиною от пяти до семи метров и так прочны, что их свободно можно оттягивать в сторону рукою. В августе пауки эти пропадают, и на их место появляются другие, меньших размеров, жёлто-зелёного цвета, с красным рисунком на брюшке и головогруды. Их противные паутины встречаются чуть ли не на каждом шагу. В особенности много неприятностей испытывает тот, кто едет впереди: ему то и дело приходится снимать паутину с лица или сбрасывать паука, уцепившегося за нос. В этот день мы дошли до того места, где Синанца разделяется надвое: Да-Синанцу⁹

---

⁹ Да-Си-нань-ча – большой юго-западный приток (развилка).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.